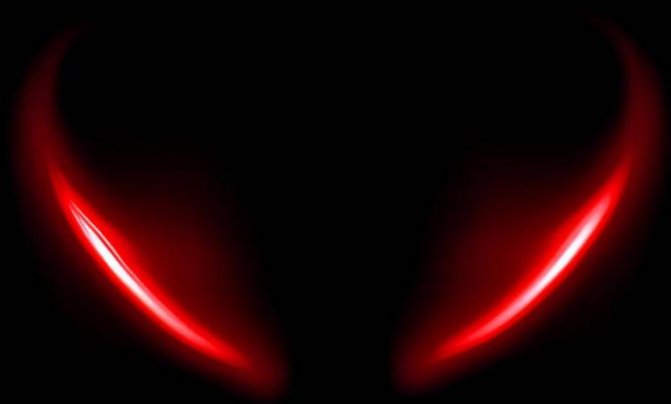

Лед Кобов

Нечто

Лед Кобов Нечто

<https://litres.ru/70798315>

SelfPub; 2026

Аннотация

Гвэн Уилсон прослужила в береговой охране тридцать лет и думала, что море ей знакомо до дна. Она ошибалась.

Группа дайверов погибает в открытом море — тела заморожены изнутри, на коже проступают символы, которых нет ни в одном реестре. Единственная выжившая — девушка с выжженными глазами — бормочет: «Нечто идёт». Через сутки она умирает в тёмной больничной палате, сердце вырвано из груди, а камера фиксирует в темноте два красных глаза, подплывающих к койке.

Военные забирают тела, опечатывают район, вывозят единственного учёного, который мог бы объяснить хоть что-то. У Гвэн остаётся меньше суток до того, как заинтересуются и ею.

Но хуже всего — не военные. Хуже — то, что Гвэн чувствует с самого первого мига на пляже, когда в небо ударил столб света: холод, мурашки, тягу к чему-то безымянному.

Нечто не выбирало их. Оно просто уцепилось за первую живую связь. Но связь крепнет, и теперь по ночам она открывает чужие глаза.

Содержание

Глава 1.	4
Г	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Лед Кобов

Нечто

Глава 1.

Полли, как и её друзья — Роберт, Андрэ и Тимур — мечтала отыскать места, куда человек ещё не ступал. На суше это казалось невозможным, и они обратились к дайвингу. Всем четверым было по двадцать четыре года; за плечами у каждого накопились сотни глубоководных погружений, и почти всякий раз они возвращались с каким-нибудь открытием.

На этот раз они выбрали место особенное — участок океана, где, по преданиям местных рыбаков, некогда жило могущественное племя. Никаких записей о нём не сохранилось, никаких имён, никаких дат — только истории, которые старики пересказывали у костра, понижая голос.

— Племя исчезло внезапно, без следа, — сказала Полли, не отрываясь от планшета. — Я ещё раз прочитала все источники, что нашла. Ни одна версия не объясняет почему.

— Может, ушли сами, — предложил Андрэ. — Мигрировали куда-то вглубь суши.

— Тогда остались бы следы. Тропы, стоянки. — Роберт покачал головой. — Нет. Они именно исчезли.

— Может, просто устали от того, что кто-то постоянно читал о них источники, — вставил Тимур.

Полли подняла взгляд от планшета и посмотрела на него без выражения.

— Очень помогло. Спасибо.

Полли заняла привычное место у приборной панели — термос с кофе слева, планшет с показаниями течений справа, наушники вполуха.

— Температура воды в норме, течение слабое, — произнесла она, не оборачиваясь. — Окно хорошее, часа три точно есть.

— Нам хватит, — отозвался Тимур.

— Вы так говорите каждый раз, а потом я жду вас на два часа дольше.

— Значит, нальёшь ещё один термос, — усмехнулся Андрэ.

— А она и нальёт, — сказал Роберт. — Полли без дела сидеть не умеет. Кофе, данные, ещё кофе. Мы там в темноте с акулами, она здесь с печеньем.

— С крекерами, — поправила Полли. — И это называется мониторинг.

— Конечно, — сказал Андрэ серьёзно. — Очень опасный

мониторинг. Особенно когда заканчивается кофе.

Полли сняла наушник, обернулась и посмотрела на троих с видом человека, привыкшего к этому разговору.

— Прыгайте уже.

Роберт, Андрэ и Тимур собирались у кормы. Тимур затягивал ремни баллона, Андрэ в который раз проверял маску, прислонив её и прижав к лицу.

— Опять? — сказал Тимур, глядя на него. — Она нормальная, я проверял.

— Ты проверял свою. — Андрэ отнял маску, подышал на стекло, снова прижал. — Всё, теперь нормальная.

Роберт щёлкнул застёжкой на поясе, расправил плечи и посмотрел на воду — тёмная, почти непрозрачная, она чуть покачивалась под ветром.

— Как вам она? — спросил он негромко.

Тимур встал рядом, тоже посмотрел.

— Глубокая.

— Полезное наблюдение.

— Я к тому, что видимость там будет никакая. Фонари держите наготове.

Никто не говорил вслух о том, что именно рассчитывал найти. Но все трое надеялись.

Первые полчаса они работали методично: проходили расщелину за расщелиной, заглядывали под каменные козырьки, шарили фонарями по склонам. Дно здесь оказалось скучным — серый ил, битый ракушечник, несколько пучков во-

дорослей, которые лениво шевелились в токе воды. Ничего, что стоило бы отметить на карте. Тимур жестом показал Роберту: ноль. Роберт кивнул. Андрэ уже разворачивался в сторону подъёма.

Они пошли наверх — медленно, как и положено, давая телу время. На двенадцати метрах встали на декомпрессионную остановку и зависли — трое неподвижных тел в толще воды, медленно дышащих сквозь загубники. Роберт поглядывал на глубиномер, Андрэ — вверх, где уже брезжил серый свет поверхности.

Полли почувствовала толчок раньше, чем успела понять, что это. Корабль качнуло резче обычного — не волна, не ветер, что-то снизу. Борт дрогнул, планшет съехал на край стола, термос звякнул о релинг. Она схватила планшет, но телефон, лежавший рядом, подпрыгнул и ушёл за борт — она видела, как он мелькнул в воздухе, перевернулся и ударил плашмя по воде.

— Чёрт.

Она перегнулась через борт и проводила телефон взглядом — тёмный прямоугольник медленно уходил в глубину, экраном вниз, пока не растворился в мутной воде. Полли ещё раз чертыхнулась про себя: все контакты, записи погружений, фотографии.

И только потом до неё дошло.

Качнуло так, что вещи слетели со стола. Телефон ушёл за борт, а она сама едва удержалась за релинг. Так качает

при волне, при штормовом порыве — а море вокруг стояло ровное, ленивое, без единого белого гребня.

Полли медленно повернулась к планшету.

Сейсмический датчик показывал микротолчок. Балл, может полтора. Она уставилась на цифры, потом снова перевела взгляд на воду, будто ждала, что поверхность вспомнит, как её только что рвануло, и наконец вздыбится. Вода лежала гладкая, как масло.

— Полтора балла, — пробормотала Полли себе под нос. — Ну да, конечно.

Она ткнула в планшет, обновила показания. Датчик исправно съел новую порцию данных и выплюнул то же: слабая сейсмика, зона давно числится в разряде «местные не обращают внимания». Только вот от полутора баллов не разлетаются термосы и не ныряют за борт телефоны.

Полли перегнулась через релинг ещё раз. Телефон уже ушёл на глубину, но она смотрела не за ним. Ей вдруг показалось, что толчок был не снизу. Он был из-под воды — это да, из глубины. Но как будто не от камня. Как будто внизу что-то повернулось и замерло.

Она уже собиралась выпрямиться, когда краем глаза поймала что-то — не там, где утонул телефон. Глубже и в стороне. Полли замерла, вглядываясь.

Нет, показалось. Свет бликовал на воде, мало ли.

Она прищурилась, подалась вперёд, прижалась животом к релингу, чтобы не отсвечивало от катера. Вода под бортом

была тёмная, почти чёрная, и в этой черноте — теперь она видела ясно — стоял ответ. Жёлтый, ровный, неподвижный. Не рябь, не отражение. Полли оглянулась на небо: низкое, серое, без солнца. Откуда тогда свет?

Она снова свесилась, всмотрелась до рези в глазах. Ответ не мигал, не пульсировал, не тянулся за движением воды, как биолюминесценция, которую она видела сотни раз. Те огни всегда были живыми — вспыхивали, гасли, перетекали. Этот просто стоял на месте, тихий и ровный, будто кто-то опустил на дно фонарь и ушёл, а фонарь продолжал гореть.

Полли медленно выпрямилась. Показания на планшете плясали — сейсмический датчик зафиксировал микротолчок, балл, может полтора. Она мельком глянула на карту активности: этот район давно числился в зоне слабой сейсмичности, толчки здесь случались регулярно, местные рыбаки на них внимания не обращали. Ничего тревожного. Она уже собралась вернуться к данным течений, но посмотрела на воду ещё раз — теперь через плечо, нехотя, как смотрят на место, которое показалось подозрительным.

Свечение никуда не делось.

Она потянулась к рации.

Несколько секунд — тишина. Потом щелчок, шипение, и голос Роберта — приглушённый, с характерным подводным эхом в динамике:

— Слышу. Координаты?

Полли уже смотрела на планшет.

— Примерно там же, где вы работали. Чуть южнее. Роберт, оно не движется.

Пауза.

— Идём.

Рация замолчала.

Они развернулись вниз. Андрэ первым оттолкнулся от остановки, почти не потревожив воду. За ним Тимур. Роберт на секунду замер, посмотрел вверх — туда, где оставался свет, к которому они так и не дошли, — и нырнул следом.

Первые метры дались привычно: тёмная толща, мелкие частицы взвеси, танцующие в луче фонаря. Роберт контролировал глубину по манометру — шесть, восемь, двенадцать. Снизу по-прежнему ничего, только темнота. Потом Андрэ чуть изменил курс и показал рукой вперёд и вниз.

Роберт увидел.

Сначала это выглядело как слабое рассеивание света — такое бывает, когда фонарь бьёт в мутную воду под нужным углом. Но их фонари смотрели в другую сторону, и свечение не двигалось вслед за ними. Оно просто было. Золотистое, спокойное — примерно там, где полчаса назад они разворачивались на подъём. Тимур ускорил гребки. Роберт шёл рядом, чуть выше.

С каждым метром оно становилось отчётливее.

Не пульсировало. Не гасло. Ровное, тёплое свечение поднималось снизу, как если бы кто-то задвинул под дно большой матовый фонарь. Роберт поморгал за стеклом маски —

нет, не галлюцинация, не отражение. Андрэ поднял руку ладонью вниз: тихо, медленнее.

Они зависли над дном.

Там, где раньше был просто серый откос — битый ракушечник, ил, скучная пустота, — теперь зиял проём. Метра полтора в ширину, чуть меньше в высоту. Края неровные, свежие; крошка ещё оседала, медленно кружась в свете фонарей. Роберт посветил на камень у края — поверхность излома была светлее, чем всё вокруг, необветренная. Новая. Толчок, который качнул судно, сделал своё дело: раздвинул пласты, выдавил проём там, где раньше была сплошная порода.

Изнутри шло свечение.

Тимур завис у самого края, заглянул. Потом медленно обернулся к Роберту и показал большой палец — не «всё в порядке», а вопрос: идём? Роберт кивнул. Андрэ уже разворачивался лицом к проёму, прижав локти к телу.

Андрэ первым протиснулся в проём — боком, выдохнув, чтобы сжать грудную клетку. Камень скрипнул о баллон. За ним Тимур, потом Роберт. Роберт последний раз посмотрел назад — в тёмную воду, в которой уже ничего не было видно, — и оттолкнулся руками от края.

Пещера открылась сразу.

Роберт ожидал узкого тоннеля, нависающих сводов, клаустрофобии. Вместо этого — пространство. Высокий купол, метров восемь, не меньше, уходящий вверх, где камень те-

рялся в рассеянном золотом свете. Стены широкие, серые, в горизонтальных наслоениях породы — миллионы лет, спрессованные в полосы. У основания стен, там, где камень встречался с дном, росли цветы.

Роберт не сразу понял, что это именно цветы. Он решил, что это коралл — белёсые, вытянутые структуры, гроздьями поднимавшиеся из трещин. Но потом Андрэ поднёс фонарь ближе, и они открылись: лепестки, прозрачные, как стекло, с тонкими прожилками внутри, по которым двигался свет — медленно, равномерно, будто кровь. Никаких водорослей рядом, никакого тока воды. Они просто росли здесь, в закрытой пещере на большой глубине, там, где не должно было быть ничего живого. Андрэ завис над ними и долго не двигался.

Тимур тронул Роберта за плечо и показал в сторону.

У дальней стены лежали кости.

Не один скелет — несколько. Роберт насчитал четыре черепа, прежде чем перестал считать. Они лежали без порядка, частично занесённые илом, но не разбросанные — скорее осевшие, как оседает то, что когда-то стояло или сидело. Рядом с одним черепом угадывался контур рёбер. Рядом с другим — что-то похожее на скрещённые руки. Никаких следов одежды, никаких предметов рядом, только кости и цветы, которые росли прямо сквозь них — сквозь глазницы, сквозь позвонки, спокойно и без спешки.

Роберт смотрел на это несколько секунд, потом достал

планшет для записей и начал зарисовывать.

В центре пещеры стоял столб.

Он был тёмный — почти чёрный на фоне серых стен — и уходил от дна до самого свода, где терялся в камне. Поверхность не каменная: Роберт сразу почувствовал это взглядом, ещё не подойдя. Дерево. Старое, плотное, без единой щели и без следов гниения — хотя по всем законам оно должно было рассыпаться здесь за сотни лет. Оно стояло так, словно его поставили вчера.

Андрэ подплыл к столбу с другой стороны. Они с Тимуром двигались медленно, по широкой дуге, не торопясь приближаться. Роберт понял, почему: вблизи от столба что-то менялось. Не температура, не давление — что-то тоньше. Вода здесь казалась тяжелее, будто насыщена чем-то, чего не видно.

И потом Роберт заметил свечение.

Не жёлтое, как снаружи. Красное. Слабое, почти незаметное — тонкая кайма вдоль резьбы, которая покрывала столб от основания до высоты человеческого роста. Символы шли плотными рядами, мелкие, угловатые, без пробелов. Роберт поднёс фонарь ближе — красный свет не усилился, просто стал отчётливее. Он достал планшет и начал зарисовывать.

Тимур отплыл назад на метр. Свечение заметно поблекло. Он снова приблизился — оно усилилось. Он показал это Андрэ: смотри. Андрэ кивнул, уже доставая из пояса небольшой нож и контейнер для образцов.

Роберт зарисовывал третью строку символов, когда Андрэ тронул его за плечо и показал на столб: мне нужна помощь. Нож скользил по поверхности дерева, не оставляя следа — материал оказался твёрже, чем выглядел. Андрэ показал: держи контейнер, я буду давить сильнее.

Роберт убрал планшет. Они подошли вдвоём. Тимур встал рядом, придержал руку Андрэ.

Все трое коснулись столба одновременно.

Роберт успел почувствовать, что дерево тёплое — неожиданно, почти неприятно тёплое для такой глубины, — и в следующую секунду его руку что-то схватило. Не снаружи. Изнутри ладони, как если бы кожа приросла к поверхности. Он дёрнул руку — ничего. Дёрнул сильнее, всем телом — столб не шелохнулся, и рука не отошла ни на миллиметр.

Боковым зрением он увидел, что Андрэ и Тимур делают то же самое — тянут, разворачиваются, пытаются оттолкнуться ногами от дна. Тимур упёрся обеими ногами в основание столба и рванул плечом назад. Остался на месте.

Андрэ бил свободной рукой по камню — методично, сильно, раз за разом, — потом перестал и просто смотрел на свою прикованную ладонь. В его глазах за стеклом маски Роберт увидел то, чего никогда раньше не видел у Андрэ: растерянность, переходящую в страх. Тимур дёргался рывками, всем корпусом, уже не пытаясь оттолкнуться — просто рвал руку от столба снова и снова, и пузыри воздуха шли от него частые, сбитые, неровные. Он дышал слишком быстро. Ро-

берт это понял и попытался поймать его взгляд — успокойся, баллон, воздух, — но Тимур его не видел.

Роберт заставил себя остановиться. Не дёргать. Дышать ровно. Он посмотрел на руку — ладонь прижата к дереву плотно, пальцы слегка согнуты, как будто держат что-то по собственной воле. Он попробовал разогнуть их по одному. Мизинец — ноль. Безымянный — ноль. Ничего не двигалось, хотя боли не было, хотя мышцы слушались мозг, хотя всё внутри кричало: оторви.

Символы начали разгораться.

Медленно сначала — один, потом соседний, потом целая строка вспыхнула красным, резким, как ожог. Роберт смотрел на них и не мог отвести взгляд: они двигались, перестраивались, складывались в новые сочетания — или ему так казалось. Тимур издал звук — короткий, задавленный, слышимый даже сквозь воду и загубник. Не крик. Хуже. Андрэ запрокинул голову и смотрел вверх, на свод пещеры, туда, где в камне терялся столб, — и в этом взгляде было что-то такое, что Роберт отвёл глаза.

Тело перестало слушаться. Не боль — просто отсутствие. Роберт ещё чувствовал, что стоит, что баллон давит на спину, что лапами цепляется за дно, — но ни один из этих сигналов не оставлял следа, как будто тело сообщало о себе на языке, который он уже не понимал. Только глаза ещё работали. Он смотрел прямо перед собой: красные символы на дереве, собственная ладонь, прижатая к резьбе. Чуть дальше,

у основания дальней стены, в трещинах между костями — белые цветы. Они стояли ровно, не колыхались, привычные к воде, к темноте, к тому, что здесь происходит.

Столб завибрировал.

Роберт почувствовал это зубами раньше, чем понял, что чувствует, — мелкая дрожь прошла сквозь кость, сквозь челюсть, к затылку. Потом через ладонь — вверх по предплечью, к плечу.

Потом вспышка. Белая, без источника, без направления — просто свет, заполнивший всё разом.

Он поднялся не из столба. Он пошёл сквозь камень, сквозь толщу, сквозь десятки метров чёрной воды — вверх, к поверхности, быстрее, чем Роберт успел бы моргнуть, если бы ещё мог.

Полли в этот момент стояла у борта, прижавшись животом к релингу, и смотрела в воду. Жёлтый отсвет на дне вдруг стал ярче — не вспыхнул, а раздался вширь, как будто фонарь под водой открыл глаза. Полли прищурилась, вцепилась пальцами в холодный металл и подалась вперёд, чтобы рассмотреть.

Из глубины ударил столб света.

Он встал перед ней, как стена, — белый, плотный, беззвучный, от самой воды до низкого серого неба. Поллине успела закричать, не успела отшатнуться. Свет не обжигал кожу, не толкал её. Он просто вошёл в неё, как входит в комнату день сквозь распахнутое окно.

И тогда она увидела.

Внутри столба, в самой его середине, тянулась нить. Тонкая, чёрная, едва заметная на фоне этой слепящей белизны — как трещина в стекле, как волос, упавший на объектив. Она не стояла на месте. Она плыла — медленно, ровно, снизу вверх, и Полли не могла отвести от неё взгляд, потому что взгляд уже не принадлежал ей.

Нить поднималась к поверхности. К ней.

Полли видела, как вода под бортом светится насквозь, как чёрная середина столба приближается, делается отчётливей, длинней, и где-то в той части разума, которая ещё оставалась её собственной, мелькнула простая, ясная мысль: не смотри. Не смей смотреть.

Она не отвернулась.

Нить достигла её лица.

Полли почувствовала не боль — хуже. Внутри головы вспыхнуло белым, затем красным, и в этой белизне перед ней раскрылся образ: движение. Огромное, медленное, сдвинувшееся с самого дна и теперь поднимающееся — к ней, к поверхности, ко всему, что было над водой. Не мысль, не слово. Просто знание, что оно идёт.

Потом наступила тьма — мгновенная, полная, как захлопнувшаяся дверь.

Она не помнила, как оказалась в каюте. Тело двигалось само — руки нащупали порог, потом край переборки, потом холодный металл палубы, уходящий под колени. Она ползла,

не видя ничего, прижимаясь щекой к полу, и единственное, что стучало в голове, — тот образ, который свет оставил перед тем, как забрал у неё зрение: движение. Огромное, медленное, поднимающееся от самого дна.

Она забилась в угол каюты, между ящиком и стеной, подтянула колени к груди и замерла. Плечо болело где-то очень далеко, как будто не её. Столб света уже гас над морем, втягиваясь обратно в воду, как выдох, который кто-то забрал.

Катер качнуло. Потом стало тихо.

Полли сидела, вжавшись спиной в стену, и не видела ничего. Из-под полуприкрытых век — если бы кто-нибудь заглянул в её лицо — сочилась тонкая струйка дыма. Глаз не было. Вместо них — две тёмные, запёкшиеся впадины, как от долгого, неживого взгляда в самое дно.

Над водой повис туман. В глубине, под корпусом катера, догорал последний отблеск — уже не столб, а размытое пятно, в котором таяла чёрная нить.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.